

В ПОНЕДЕЛЬНИК НАШЕЙ ЖИЗНИ...

Сквозь шёпот

Сквозь шёпот зимних дней,
дыша туманами, плывущими
с распухнувшей реки, я различаю
ближний берег и невесомый дом
над ним, и белый срез немого неба,
и звуки языков земных, как хруст
пустых орехов под ногой, под
скользкими коврами листьев,
соплевших в чёрную немыслимую
слизь, и сквозь леса железные
бессонниц пробравшись до
забитого окна, я пью луну Ли Бо
неспешными глотками, и лица
наши вороша в давно потерянном
альбоме, я вижу: прошлого разбиты
зеркала, утрачен ржавый ключ от
тающей аллеи, и я один дослушиваю
музыку начала у тёплых,
неприснившихся руин, лаская
синий мох челом у берега над
вспухнувшей рекой, и я один,
дыша полночными туманами
сквозь шёпот зимних дней,
дописываю вязь серебряных
стихов, развешанных, как сны,
по ломким голым кронам.

Прощание с Апшероном

И Каспий провожал меня дождливою
слезой, и кроны сокрушённо помавали
у кромки вспухнувшего моря, как будто
ведали про чуждую судьбу доблудшего
сюда неверными и ломкими, как сталь,
и бритвенно скользящими стезями.
От ветреника Городу ветров душа
обмякшая поклон предутренний
положит и на сквозных распахнутых
скрижалях запишет бережно, как
в Судный день, «Баку». Живи,
живи свою ковровую неспешность,
свой рай высокородный, как древле,
изумрудами мости и сине-чёрными

масличными глазами рассматривай
журчащей жизни скоротечный пир.
Тебе, как на высокое закланье,
я оставляю вот этот взгляд, вот этот
вздых и моего, и моего, как дождь
прощания, негаданного друга.

Повесть соседей

«Передаём классическую музыку...»
И жив ли тот, и та жива ли?
Чёрное зимнее утро уфимское, жёлтая
лампочка. Библиотекари Саша и Гина
тихо спешат по часам на работу.
Была она *цветок засохший, безуханной*,
и верно, первой у него. Звал я их «дядя»
и «тётя» в те поры. *И нынче где их уголок?*
Главные книги снов и скитаний брал я
у них, в запасниках невесомо подвальных,
где пылились миры в алфавитном порядке.
Как-то заметили, стал дядя Саша в шляпе
форсить и пальто габардиновом, стало
в подъезде за ним оседать тонкое облако
одеколонное. Тётя Гина желтела и сохла.
«Видно, её-то гуляет по-чёрному», – враз
заключили довольно соседи. Тихо года
под окном шелестели. Спали кошки на
батареях, пахло мылом и пастой «Мэри».
Гину первой из подъезда понесли
вперёд ногами, как её маму, как тётю
Катю. Следом за нею уплыл дядя Саша,
тоже от жизни, тоже от рака,
где-то на родине, в белой Елабуге.
Дети остались, мальчик и девочка.
Чёрное зимнее утро уфимское, жёлтая
лампочка вещи рисует, стопки книг
и забытых журналов. Гина и Саша
тихо спешат по часам на работу.
Пахнет чаем и талым снегом – из
приоткрытой над пропастью форточки.
И жив ли тот, и та жива ли?
«Передаём классическую музыку».

Они

Когда уроки сущей пустоты материя дебелия и
трепетная плоть, отвесившись широким рукавом
учёных мантий, давать устанут нам, – отъедет стол,
откатят стены прочь и отплывут, нам поклонившись,
а мы забудем вдруг, как говорить слова, увидя сизое
пятно и кланяясь столу тому и стенам, когда по тонкой
лестнице над лавой, поднимемся, пошатываясь, вниз,
стараясь не скользить, –
они придут:

хавронья с тёплыми ушами и важный белый гусь,
все куры робкие и шпористый петух, коза с глазами
золотыми, бурёнка грустная, что звали Розой, и
даже тот молочный поросёнок, что не увидел свет,
разрезанный на праздничном столе тарелкой пополам, —
они придут, чтоб хором заглянуть нам в широко
закрытые глаза, они простят, как будто мы ещё
чего-нибудь откусим и
разжужём, хрустя.

Цветы

В понедельник нашей жизни
осыпаются цветы, и веточка шиповника,
забытая в стакане, выпускает квёлый листик,
на который так больно смотреть, снег
зависает в стеклянных глазах, и дома дымят,
как корабли, над рекою, стремимой вспять
в понедельник нашей жизни,

становятся длиннее и беспомощней молитвы,
и мятый клоун в зеркале разглядывает нас
в упор, улыбаясь нарисованным ртом
и не веря нам, мальчикам-девочкам,
что были мы ими в дни оны, однажды, что
в понедельник нашей жизни

мы вешаем такую же разбитую
улыбку на лицо и, за неё впотьмах цепляясь,
выходим радоваться вслух тому, что
нам до одури постыло, как будильник, как
чёрный кофий с мёртвым бутербродом,
в понедельник нашей жизни

останавливается лифт, на котором
мы поднимались вниз, на котором спускались
вверх столько ненужных и слякотных утр,
столько заваленных рухлядьё дней, так
никогда из себя и не выйдя и никогда
в себя не приходя, в понедельник нашей
жизни осыпаются цветы.

Лапа

В рассветную седую сквозь
вот ты легла, подруга-жизнь,
на камень скользкий, ноздреватый,
как эта лапа игуаны, глядя вдаль
и сквозь, за облака, где ветер
каменный столетий над табунами
лет и зим шуршит песками
наших судеб и голой галькою
надежд. Подруга-жизнь, невеста-
память и нежна мать-сыра земля,

на хохолке клочками пена
и алый блик в её зрачке. И вечна
горькая насмешка в глазах детей,
зверей и стариков – вот это,
это, это, это и есть, что обещали
нам на свете тёмном – жизнь?
О, кто омоет наши кости
античным ласковым вином?
Вода рябила здесь от рыбьих
стай, курчавились небесные
равнины, и лапа игуаны, как
печать, легла на мир, в котором
были мы, не правда ли, с тобою?

* * *

И будут, будут над Невой взмывать снега
несметные, и будет ангел золотой,
наколотый на шпиль, слагая плоское крыло
над кровлею соборной, парить, не помня уж
меня в той башенке надстенной. Она
заглянет мне в глаза, моя весна осенняя,
как лица те, на коих снег не тает, как на
времени, как тени те, от коих ночь
и день стихотворения.

И будут, будут над Невой плести немую
музыку, и парус бархатный бессонниц нас
пронесёт по мостовой в залив нагих видений.
Играй, играй же в небесах, мой клавишин
хрустальный. Над миром вновь кипят снега,
слепые и домирные, стирая мир, стирая нас,
как то крыло, как те слова, как ту весну
осеннюю, как те глаза, на коих тень
и свет стихотворения.